

В НОВОЙ КНИГЕ
«МИРИСЬ, МИРИСЬ...»
НАРОДНОЙ АРТИСТКИ
РСФСР МОЖНО
ПРОЧИТАТЬ О ДЕТЯХ,
БРАТЬЯХ НАШИХ
МЕНЬШИХ И О ТОМ,
КАК ЖИТЬ ПО ЛЮБВИ

**Лариса
МАЛЕВАННАЯ:**

Мои учителя — Чехов и Зощенко

«Мирись, мирись...» — это уже второе издание книги, в которую изначально вошли три полнометражных киносценария и несколько маленьких рассказов про животных — про умную ворону, про кота, который ел огурцы, и про других (возможно, тоже будущие сценарии для мультфильмов). Теперь к ним добавились еще и три инсценировки по произведениям Аверченко, Достоевского и Шукшина, написанные Ларисой Малеванной для Краснодарского молодежного театра, в котором она ставит спектакли.

ЛАРИСА ИВАНОВНА представила книгу в свой день рождения в встрече в администрации Петроградского района.

«Мирись, мирись...», вышедшая к дню рождения актрисы, выглядит вполне празднично: шикарная обложка, пятьсот страниц, прекрасно напечатанных на глянцево-бумаге. Книгу помог издать председатель Законодательного собрания Петербурга Вячеслав Макаров, который, кстати, на презентации тоже присутствовал.

При всей торжественности момента Лариса Ивановна общалась, как всегда, вполне запросто, представила всем своих помощников, читателей и критиков: соседей по даче, например. И не стеснялась показать публике свою творческую кухню.

— Надо сознаться, что по природе я очень ленивый человек. В детстве про меня говорили: «Очень одаренная, но из нее может ничего не получиться, потому что ужасно ленива». И это была правда. Я была как мальчик в рассказе Мрожека, которого ангелу-хранителю приходилось пинать и щипать, чтобы он что-то делал.

А писать я начала так. Замечательный театровед Елена Алексеева все время ко мне приставала, чтоб я написала статью для ее журнала «Балтийские сезоны». Потом Марина Дмитриевская тоже просила... И я все это делала из-под палки.

Потом я оказалась в больнице. Причем была не очень сильно больна — просто все надоело. И поскольку дома не удавалось лежать на диване и ничего не делать, я улеглась в больницу. Вы знаете, артисту

Открытки с портретами актрисы принес ее поклонник.

в больнице лежать неудобно: все пристают, в халате не походишь — критиковать начнут. Непричесанной нельзя, ресницы надо красить... А я все это бросила и ходила в халате, ненакрашенная.

А рядом в соседней палате лежал человек, который предложил мне свои стихи подарить. Я сказала, что ненавижу стихи и всем запрещаю их писать. Пушкин, Есенин — это другое дело, высокая поэзия. А вообще, можешь не писать — не пиши.

Но он мне все-таки подарил. Стихи ужасные... Я так ему и сказала. Но он не перестал писать. Потом он спрашивает:

«Вы что сейчас делаете?» Я говорю: «Ничего не делаю и получаю от этого большое удовольствие. Рольей нет ни в кино, ни в театре...» Он говорит: «Давайте я вам сценарий напишу». Я ему запретила. Но он все равно стал писать. Короче, втянул он меня в это дело. И поскольку писал он, как мне казалось, плохо, я начала у него исправлять ошибки. Я учительница по первому образованию. В общем, я переписала его сценарий. Так и началось. А фильм потом сняли — даже симпатичный.

— Лариса Ивановна, про вашу борьбу за сохранение дома мы уже рассказывали. Какая сейчас ситуация?

— Я просто не хотела портить людям настроение... У нас несколько человек умерли, надорвавшись на этой истории. Профессор онкологии Напалков Николай Павлович — он был глава нашей оппозиции. Как-то он мне говорит: «Я ничего не могу делать. Ни работать, ни в Швейцарию уехать на съезд медиков — я сижу и пишу эти дурацкие бумаги. А потом развожу их по инстанциям». Сердечный приступ. Сосед напротив, на десять лет младше меня. Давление зашкаливало. Поехал на дачу, упал, ударился головой о камень... А я докашлялась до тяжелой болезни. Теперь здорова, но ценой хирургического вмешательства.

— Ну вроде бы же тут были высшие чины, обещали помочь?

— А! Не в первый раз слышу, — отмахнулась Лариса Ивановна.

— А как ваши отношения с Краснодарским молодежным театром?

— Я туда постоянно езжу. Там для меня как будто такой остров любви. Это очень бедный театр. Здание у них сейчас в ремонте, и они мыкаются, как придется... Очень тяжелая ситуация. А еще меня как-то раз в тех местах чуть не побили. Попросили съездить в станицу, выступить перед моим спектаклем по Аверченко. Я согласилась — директор театра упросил. Ехали по каким-то кочкам... В общем, стала расска-

В день рождения Лариса Ивановна встретила поклонников.

Это уже второе издание книги.

зывать про Аверченко, что он ненавидел советскую власть, а она ему платила тем же. Ленин про него в статье писал, что у советской власти появился еще один опасный и талантливый враг. Объяснила: Аверченко не нравилось, что людей лишили индивидуальности, превратили в стадо баранов. Я это все им стала рассказывать. Смотрю, люди стали подниматься и выходить. Испугалась за своего директора: думаю, что ж я его так опозорила. Стала извиняться... И какой-то мальчик, школьник, с места мне крикнул: «Не обращайтесь внимания! Это те бараны, о которых вы говорили». Думаю: я после речи своей выйду, а они меня начнут бить... Но они, оказывается, под дверью стояли слушали. А после автографы подошли брать.

— Искусство, значит, победило политику! Вот как раз по поводу искусства: когда вы писали книжку, вам хотелось на кого-то быть похожей из своих миров?

— У всех людей театра учитель один: Чехов. И спасибо ему большое, что за всю жизнь он не написал ни одного романа. Потому что ценил краткость — сестру таланта. Я не думала, правда, что мой учитель — еще и Зощенко. У него такой придурковатый стиль... Оказывается, когда он принес рассказ в глянцево-журнал, ему накрахмаленный человек сказал: «Это не для нас. Вы же дворянин, почему вы так пишете?» Зощенко ответил: «Я не могу писать для читателя, которого нет. Этот читатель уехал. Я пишу для тех, кто остался». Когда я недавно стала читать его автобиографию — поразилась: абсолютно другой, интеллигентный, сдержанный стиль. Кратко, ничего лишнего, никакого бабского украшательства... Думаю: кого же это мне напоминает? Потом поняла: Чехова и меня! Значит, мой учитель — еще и Зощенко! А я про это не знала.